

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ ФОРМ УСТНОГО ДИАЛОГА В ЯЗЫКЕ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

Алиева Эльвина Аметовна
кандидат филологических наук, доцент
Узбекистан, г. Ташкент, НУУЗ

Изучение экспрессивных синтаксических средств, стилистического использования различных синтаксических категорий отдельными писателями представляется актуальным направлением в области лингвистических исследований. Учитывая определенную изученность общих проблем экспрессивности, следует отметить недостаточно глубокое рассмотрение проблемы синтаксической экспрессивности, а также использование экспрессивных синтаксических средств в идиостилиях писателей.

До сих пор в лингвистике нет точного списка экспрессивных синтаксических средств, каждый лингвист, занимающийся проблемой экспрессивного синтаксиса, приводит свой набор названных единиц (В. В. Востоков, А.П. Сковородников, Н.Г. Акимова, О.А. Кострова, Д.Э.Розенталь, Ю.М. Скребнев, И.И. Ковтунова, Э.М. Береговская и мн. др.). Еще А.П. Сковородников отмечал, что набор этот до конца не определен и не идет дальше перечня «так называемых фигур, классифицируемых по разнородным и случайным признакам» [8, с. 7]. Такое же мнение высказывает Бао Хун: «Окончательный список конструкций не установлен окончательно. Думается, что он не может быть установлен и в будущем, ибо в конкретном носителе экспрессивной идеи может стать любая морфологическая категория, любые особенности синтаксического строения фразы, все зависит от темы текста, индивидуальной манеры писателя, его намерений, ситуации порождения и восприятия текста» [4, с. 32]. Этому же мнению придерживается Г.Н. Акимова: «экспрессивные конструкции образуют открытый ряд» и «не составляют окончательного списка экспрессивных структур; многое еще будет вскрыто, тем более, что и объем каждого из отмеченных явлений еще не установлен и подчас трактуется неоднозначно» [3, с. 89]. М.А. Куроедова отмечает, что «набор синтаксических средств экспрессивной речи представляет собой сложное, многомерное и неоднородное образование» [3, с. 155]. Но не смотря на это, как утверждают Н.В. Князева и Е.Е. Королькова, «утверждение об открытости системы экспрессивных синтаксических средств не снимает проблему выявления и определения списка экспрессивных синтаксических конструкций» [5]. Этим объясняется неухающий интерес лингвистов к данной проблеме и большое количество работ, в которых находим порой противоречащие, взаимодополняющие мнения о наборе, определении и классификации экспрессивных синтаксических средств.

В 20-х годах XX века творческие искания многих писателей шли по пути обновления формы художественного текста, что не могло не сказаться и на языке. Одним из принципов искусства слова провозглашается прием «затрудненной формы», который воспроизводился различными способами. На место классическому типу объективного повествования приходит орнаментальная проза ориентированная на язык лирической поэзии, что проявлялось в передаче эмоционального восприятия мира субъектом речи, а также в воспроизведении идеологической позиции героя, в имитации его внутренней речи. Этому способствовало использование в языковой структуре орнаментальных произведений экспрессивных форм синтаксиса. Образцами орнаментальной прозы считаются произведения А. Белого «Петербург», К. Федина «Города и годы», Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», В. Набокова «Дар». Перечисленные романы, характеризуются взаимодействием различных повествовательных форм, в них наблюдается обыгрывание разнообразных видов коммуникативных ситуаций, типов субъектов и адресатов речи, схожих, с отмеченными И.И. Ковтуновой в лирической поэзии [6, с. 63-83], и ряд специфических типов коммуникативных контактов, не характерных для лирической поэзии [1], в связи с этим характеризуются экспрессивностью и использованием большого количества субъектно-экспрессивных средств синтаксиса, отличающихся своеобразием функционального потенциала. В языковой структуре названных романов среди субъектно-экспрессивных средств синтаксиса выделяются речевые формы устного диалога (далее РФУД). К ним относятся вопрос, повеление, обращение и формы второго лица глаголов и местоимения. И.И. Ковтунова [6], рассматривая функциональный потенциал этих языковых единиц в поэзии, распределила их на две группы: сильные и слабые. К сильным, она отнесла вопрос и повеление, которые «предполагают определенную реакцию собеседника» [6, с. 61], а к слабым – обращение и второе лицо глаголов и местоимений, «не требующие определенной реакции со стороны адресата» [6, с. 61]. Лингвист отмечала, что изменение, усложнение и преобразование функций данных языковых категорий происходит под влиянием своеобразия поэтического языка и условий коммуникативных ситуаций.

Анализ особенностей использования вопроса, способов выражения, типов, включения в текст, отношения и виды связи с окружающим контекстом, показал его богатый семантико-функциональный статус как на микро- так и на уровне макротекста [2]. При описании функционального своеобразия названной языковой единицы мы не раз обращали внимание, что ей сопутствуют все названные РФУД, включаясь либо в состав вопросительного предложения, либо в окружающий его контекст.

Проведенный нами анализ функционирования РФУД в субъективных типах повествования на материале орнаментальной прозы показал, что их глубинную семантику, как и в стихотворной речи, предопределяет прежде всего характер коммуникативных ситуаций. Необычный характер адресата, усложненные отношения между субъектом и объектом, а также специфический для орнаментально-субъективного повествования контекст определили усложнение функционального статуса РФУД.

Формы императива приобретают различные типы модально-эмоциональных значений: долженствования, эмоционально-окрашенного пожелания, просьбы – мольбы, заклинания; могут совмещать сообщение о факте с модально-волевой оценкой или значения повеления и условия. То есть, формы повеления развивают в художественно-прозаической речи функциональную асимметрию по типу отношений омонимии, полисемии и синонимии. Так как грамматическая форма повелительного наклонения не утрачивает зачастую своего первичного значения, то возникает «частичная асимметрия между формой и функцией – асимметрия на фоне симметрии» [6, с. 169-179]. Анализ также показал, что употребляясь в монологической речи, формы повелительного наклонения глаголов могут становиться би- и полифункциональными. Полифункциональные повелительные высказывания оказываются средством выражения сложной информации, свойственной орнаментальной прозе, ориентированной на язык лирической поэзии.

Изменение условий коммуникаций, также как и в стихотворной речи, может приводить к совмещению в обращениях функций адресации с номинацией или характеристикой, либо усложнению апелляции эмотивной функцией. Обращения могут формально сближаться, но функционально контрастировать с сегментированными конструкциями, оказываясь омонимами последних.

Помимо языковых функций, обнаруживающихся в синтагматике речевой цепи, обращения выполняют и художественные функции, которые выявляются с учетом лингвопоэтических факторов их использования в тексте названных романов.

Основная функция обращений в орнаментальной прозе состоит в том, чтобы создавать эффект присутствия субъекта речи, иллюзию непосредственного восприятия читателем отраженной в произведении художественной реальности. Апелляция речевого субъекта к странам, городу, явлениям природы и т.д., ставшими его внутренними адресатами, представляет собой коммуникативную метафору, усиливающую характерную для речевой ткани романа выразительность и эмоциональность.

Они служат одним из показателей субъективизации повествования. Благодаря смене третьего лица на второе происходит переход от внешней, объективной точки зрения на внутреннюю точку зрения субъекта речи.

Форма второго лица местоимений и глаголов в рамках художественно-прозаического целого способны создавать диалогические отношения повествователя или героя произведения с различными типами адресатов. При апелляции повествователя к читателю основной функцией форм второго лица местоимений и глаголов является создание прямого контакта между повествователем и читателем.

Достаточно часто местоимения «ты» и «вы» трансформируется в местоимение «мы», которое используется как прием косвенного контакта между повествователем и читателем. Под влиянием лексического контекста контактоустанавливающее местоимение «мы» может становиться средством иронического подтрунивания повествователя над читателем (либо героем), пародирования его позиций.

С помощью форм второго лица местоимений и глаголов может осуществляться апелляция повествователя (или героя) к внутренним адресатам – героям, отсутствующим в момент речи («Дар»), что способствует диалогизации монолога, воплощает раздвоение сознания субъекта речи.

Формы второго лица местоимений и глаголов, использованные в ситуации коммуникативного контакта с заведомо некоммуникабельными объектами, нелицами, служат знаком внутренней сопричастности, близости автора или героя к предмету речи («Дар», «Петербург»). Коммуникативный контакт с нелицом выступает одновременно в качестве специфической для орнаментальной прозы формы автокоммуникации повествующего субъекта и воплощает не только его поэтическое познание, но и самопознание, самораскрытие, самовыражение.

4. Анализируемые синтаксические категории на уровне макротекста участвуют:

- в осуществлении игры пространственных планов (переход от 3 ко 2 лицу); чередование повествовательных форм, игра внешней и внутренней точками зрения осуществляется с помощью РФУД не только в рамках всего художественного целого, но и в отдельных фрагментах текста, на уровне сложного синтаксического целого;

- субъективизируют повествование;
- способствуют созданию полифонизма речевой структуры художественного текста;
- способствуют созданию лейтмотива центральной темы, лежащей в основе произведения;
- выполняют изобразительно-выразительную функцию, а именно опосредованно раскрывают внутреннее состояние субъекта речи (повествователя или героя), раскрывают его идеологические позиции.

Проведенный анализ использования РФУД в орнаментальной прозе позволил выявить схожие со стихотворной речью, а также специфические для поэтического стиля названных авторов семантико-функциональные особенности РФУД.

Эти формы, направленные к другому лицу или предметному миру, будучи употребленными в монологическом субъективном повествовании, изменяют свою семантику и функции под влиянием

специфического для орнаментальной прозы контекста и определенных коммуникативных условий. Необычный характер адресата, усложненные отношения между субъектом и объектом, а также специфический для орнаментально-субъективного повествования контекст определили усложнение функционального статуса РФУД. Высказывание И.И. Ковтуновой: «Отбор грамматических средств становится принадлежностью поэтического языка, если эти средства оказываются семантически значимыми и выполняют определенные смысловые функции в индивидуальной поэтической системе. Предпочтение отдельных грамматических категорий и форм может свидетельствовать о фундаментальных свойствах данного поэтического мира» [7, с. 4], на наш взгляд, полностью характеризует язык орнаментальной прозы.

Литература:

1. Алиева Э.А. Вопрос в художественно-прозаическом монологе. // АКД – Т., 2002.; Семантико-функциональные особенности вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале языка русской прозы первой трети XX века): монография. – Т., 2016. – 128 с.
2. Алиева Э.А. Семантико-функциональный потенциал вопроса в художественно-прозаическом монологе: монография. – Т., 2016
3. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. М., 1990. – С. 89
4. Бао Хун Экспрессивные средства русского синтаксиса в структуре текста / Бао Хун. – Москва: Издательство Московского университета, 2003. – С. 32
5. Князева Н.В., Королькова Е.Е. К вопросу об экспрессивных синтаксических средствах. // <http://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-ob-ekspressivnykh-sintaksicheskikh-sredstvakh-yazyka.html>
6. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – С. 63-83
7. Ковтунова И. И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. – М., 1993. – С. 4.
8. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск, 1981.